

Часть VII. Лексика¹

31 Принципы описания лексики: теоретические подходы и методы исследования

Е. В. Кашкин

31.1 Введение

Настоящая часть книги посвящена описанию лексики мокшанского языка. Несмотря на то что лексика и лексическая семантика нечасто становятся самостоятельным предметом описания в «полевых» грамматиках, в описании уральских языков лексике уделялось значительное внимание. Так, в описании селькупского языка ([Кузнецова и др. 1980]) раздел «Лексика и семантика» следует непосредственно за введением. В нем в деталях рассматриваются семантические отношения внутри селькупской лексики, а также отдельные ее поля (календарные названия, географические термины, глаголы движения, термины родства и свойства, звукоподражательная лексика). Традиции описания лексики уральских языков были продолжены в [Кузнецова и др. 1993; Казакевич и др. 2002; Кузнецова (отв. ред.) 2010; Казакевич, Будянская 2010; Кузнецова и др. 2013] и др.

За последнее десятилетие в исследовании лексического состава языка методами полевой лингвистики произошел значительный сдвиг, ставший возможным благодаря развитию нового направления в лингвистической типологии — лексической типологии. Подробный обзор ее задач, достижений и перспектив доступен, в частности, в [Koch 2001; Рахилина, Плунгян 2007; Koptjevskaja-Tamm 2008; 2012; Круглякова 2010: 12–28; Рахилина, Резникова 2011; 2013; Evans 2011; Кашкин 2013а: 15–44; Majid 2015; Rakhlina, Reznikova 2016]. Программа лексической типологии нацелена на то, чтобы установить и объяснить универсальные закономерности устройства лексических систем и лексико-семантических полей и ограничения на их структуру. Подобно тому, как грамматическая типология имеет целью установление универсального и специфичного в грамматике языков мира, а также определение того, какое место занимает каждый язык в пространстве типологических возможностей, лексическая типология ставит аналогичные вопросы по отношению к словарному составу языков.

В рамках данного подхода исследователей интересует то, как языки категоризируют семантические области, например, как устроено в языке семантическое поле цветообозначений, терминов родства или какие противопоставления релевантны для сис-

¹ Редакторы и авторы этой части глубоко признательны Е. В. Рахилиной за всестороннее содействие в ее подготовке.

темы лексики, характеризующей движение. Согласно [Koptjevskaja-Tamm 2008: 5–6], а также [Круглякова, Рахилина 2010], лексическая типология стремится ответить на следующие вопросы:

- «какие значения могут лексикализироваться в одной лексеме, а какие выражаются только свободными словосочетаниями» [Круглякова, Рахилина 2010: 241];
- какие значения могут совмещаться в пределах одной лексемы либо выражаться с помощью лексем одного словообразовательного гнезда;
- каковы модели взаимодействия лексических и грамматических значений в языках мира; какие соответствия между лексическими классами и наборами морфосинтаксических свойств входящих в них лексем воспроизводятся в разных языках.

Исследование этих вопросов было (в значительной степени за последние два десятилетия) предпринято на материале различных семантических групп лексики: цветообозначений [Berlin, Kay 1969], обозначений размера [Bierwisch, Lang 1989; Lang 2001], глаголов передачи объекта [Newman (ed.) 1998], глаголов позиции [Newman (ed.) 2002; Ameika, Levinson (eds.) 2007], глаголов помещения объекта куда-либо [Korecka, Narasimhan (eds.) 2012], глаголов движения в воде [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], глаголов разделения на части [Majid et al. 2007; 2008], глаголов боли [Брицын и др. (ред.) 2009], глаголов вращения [Круглякова 2010], глаголов еды [Newman (ed.) 2009], обозначений фактуры поверхностей [Кашкин 2013а], температурных выражений [Koptjevskaja-Tamm (ed.) 2015], глаголов звучания [Резникова и др. (ред.) 2015] и мн. др. Материал уральских языков представлен в исследованиях, посвященных температурным прилагательным [Ладыгина 2010; 2011; 2013], признаковым словам со значением качества поверхности [Кашкин 2011; 2012; 2013а], обозначениям размера [Козлов, Привизенцева 2014], глаголам боли [Лучина 2011], глаголам звучания [Лучина, Стенин 2011; Кашкин, Павлова 2010; Павлова, Кашкин 2011; Kashkin et al. 2012], глаголам разделения на части [Кашкин 2013b], глаголам колебания [Шапиро 2010; 2015].

В главах 32–36 представлено описание различных семантических групп лексики мокшанского языка в типологической перспективе.

31.2 **Подход к исследованию и описанию лексики**

Описание лексики мокшанского языка базируется на **сочетаемом (фреймовом) подходе** к лексической типологии. Этот подход разработан в Московской лексико-типологической группе под руководством Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой и реализован на сегодняшний день в упомянутых выше работах этих авторов и ряда их коллег (М. Копчевской-Тамм, В. А. Кругляковой, Е. В. Кашкина и др.). Детальную характеристику сочетаемого подхода можно найти в [Рахилина, Плунгян 2007; Рахилина, Резникова 2011; 2013; Rakhilina, Reznikova 2016] и др.

Необходимо отметить, что существует альтернативный фреймовому подходу стимульный подход, предполагающий сбор данных путем проведения экспериментов с наглядными стимулами. Наиболее известной работой, применяющей стимульный подход, является исследование [Berlin, Kay 1969], посвященное семантике цветообозначений в языках мира. В ходе этого исследования респонденты должны были опи-

сать карточки, окрашенные в те или иные цвета. В последние годы эта традиция развивается в Институте психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене. В рамках исследований этой группы носители самых разных языков участвуют в экспериментах с чувственно воспринимаемыми стимулами (это могут быть цветные таблички, картинки, аудио- и видеозаписи, пробирки с пахучими веществами и т. п.), см. подробнее [Majid et al. 2006; 2007; 2008; Levinson 2008; Majid 2010; Dingemanse 2011]. Несмотря на определенные достоинства (в первую очередь наличие наглядных для носителей языка анкет), стимульный подход обладает рядом недостатков [Рахилина 2000/2008: 168–196; Круглякова 2010: 19–21; Кашкин 2013: 21–29]. Наиболее принципиальный из них состоит в том, что в практике стимульного подхода лексемы зачастую рассматриваются вне их языкового поведения. Так, в эксперименте с цветообозначениями мы можем очертить участок спектра, покрываемый прилагательным *зеленый* или *коричневый*, но не можем установить, с какими типами объектов и ситуаций соотносятся эти лексемы, например, идет ли речь о зеленой траве или о зеленом заборе, о коричневой рубашке или о природных объектах похожего цвета.

В рамках фреймового подхода семантические свойства лексем и различия между ними как внутри одного языка, так и в разных языках устанавливаются на основе анализа их сочетаемости (сама эта идея восходит к работам Московской семантической школы, ср. [Апресян 1974/1995]). Источниками данных выступают словари, корпуса и материалы опроса носителей языка по типологическим анкетам. Представленные в настоящем разделе описания различных семантических полей основаны на последнем источнике данных². При определении лексического состава полей, а также требующих уточнения возможных значений исследуемых лексем использовались и данные мордовских словарей. Однако, во-первых, для описания лексики, сопоставимого с типологическими данными, материала словарей явно недостаточно, во-вторых, в словарях чаще представлены данные литературного языка (либо данные не тех говоров, на которых базируется настоящее исследование).

Используемые в лексической типологии анкеты устроены аналогично анкетам, применяемым для сбора грамматического материала (и точно так же, как при типологическом исследовании грамматики, одна и та же анкета собирается во всех языках выборки — это обеспечивает сопоставимость данных). Носителю языка предлагается контекст на языке-посреднике, в данном случае на русском языке. Носитель должен перевести этот контекст на свой язык (в нашем случае — на мокшанский), вставив туда подходящее слово. Иллюстрация представлена в примерах (1)–(2), взятых из типологической анкеты для изучения признаков слов с семантикой ‘острый’³:

- (1) *Чтобы коса была _____, ее надо заточить.*
 (2) *Я подколола юбку булавкой и уколола палец, потому что булавка _____.*

Подробное описание методики составления типологических анкет можно найти в [Рахилина, Плунгян 2007; Рахилина, Резникова 2013; Rakhilina, Reznikova 2016]. Здесь

² Подробнее о методах составления и организации типологических анкет по изучению лексики в рамках типологического подхода см. [Рахилина, Плунгян 2007; Рахилина, Резникова 2013; Rakhilina, Reznikova 2016].

³ Данные об устройстве этого поля в мокшанском языке доступны в статье [Бикина 2013] и в разделе 32.4.3 настоящей книги, типологический обзор — в работах [Кюсева, Рыжова 2010; Кюсева 2012].

мы лишь кратко обозначим ключевые моменты. На первом шаге составления лексико-типологической анкеты происходит определение границ рассматриваемого семантического поля в языке-посреднике и составление начального списка лексем (часто оно сопряжено с принятием некоторой конвенции о предмете исследования, поскольку у любого семантического поля есть не только центр, но и достаточно широкая периферия). После этого производится поиск переводных эквивалентов по словарям первых выбранных языков.

Затем для всех найденных лексем собираются и предварительно классифицируются корпусные контексты их употребления. Именно этот набор получившихся классов ситуаций и служит основой первого варианта типологической анкеты. Сами такие классы называются в этой традиции **фреймами**⁴ — отсюда и термин «фреймовый подход». В итоговом варианте описания поля в качестве фреймов выделяются такие классы ситуаций, противопоставление между которыми оказывается лексически значимым хотя бы в одном языке. В начале работы над анкетой список фреймов, естественно, имеет статус научной гипотезы.

Первый вариант фреймовой анкеты прорабатывается на вошедших в выборку языках (число которых постепенно наращивается). В одних случаях выделенные в анкете оппозиции подтверждаются на языковом материале: в каком-либо языке действительно находится лексема, противопоставляющая два фрейма. В других случаях вопросы анкеты не позволяют разграничить семантику лексем нового языка — тогда проводится детальный анализ сочетаемости его «проблемных» лексем, в результате которого находят основания для противопоставления и, соответственно, выделяется более дробная по сравнению с изначально предполагавшейся структура фреймов. Существенно, что все вновь выявленные различия для обеспечения полноты и сопоставимости данных проверяются в ранее исследованных языках. В иных случаях исходная гипотеза о лексической значимости какого-либо семантического различия не подтверждается ни в одном языке выборки — тогда (если и в первом языке различие выделено из априорных соображений, а не на основании конкретно засвидетельствованной лексической оппозиции) соответствующие контексты на обследованном материале признаются входящими в состав одного фрейма. Таким образом постепенно формируется устоявшийся инвентарь фреймов для исследуемого поля, что позволяет изучать модели лексического совмещения фреймов в разных языках (часто визуализируемые на семантических картах, используемых и в грамматической типологии, см. [Haspel-math 2003]).

Потенциальная опасность такой методики состоит в том, что в разных языках будут возникать совершенно разные семантические противопоставления и наборы фреймов. Однако опыт уже проведенных типологических исследований, обобщенный в частности в [Рахилина, Резникова 2011: 129–132; Рахилина, Резникова 2013: 8–9; Rakhi-lina, Reznikova 2016: 101–102], представляет два важных эмпирических наблюдения. Во-первых, в каждом из исследованных полей в разных языках системно воспроизводятся одни и те же центральные семантические противопоставления между крупными подмножествами фреймов поля (такие примеры будут далее приведены и в настоящей

⁴ О соотношении того, как понимается термин «фрейм» в описываемом подходе и в работах предшественников, в частности Ч. Филлмора, см. [Рахилина, Резникова 2013: 12].

части). Во-вторых, после увеличения выборки до 10–15 языков прирост новых семантических противопоставлений, коренным образом «ломающих» всю систему, практически прекращается (хотя, безусловно, может появляться набор частных уточнений уже выстроенной схемы)⁵.

В качестве примера реализации фреймового подхода рассмотрим признаковые слова со значением 'острый' (данные и типологические обобщения приводятся по [Кюсева 2012]). Для них в указанной работе выделено четыре фрейма:

- a. Артефакты с функциональным острым лезвием: нож, пила, топор, коса, бритва и т. п.
- b. Артефакты с функциональным острым кончиком: игла (для шитья), гвоздь, стрела, копьё и т. п.
- c. Колющие природные объекты: иголка (на елке), шип розы, колючка и т. п.
- d. Объекты заостренной формы (не колющие и не режущие): нос, подбородок, колпак, вершина горы и т. п.⁶

Таблица 1 демонстрирует лексическое кодирование этих фреймов на материале 5 языков (данные взяты из [Кюсева 2012]). Из Таблицы 1 видно, что в русском все выделенные для данного семантического поля фреймы кодируются одной лексемой. Однако в немецком, итальянском и коми мы наблюдаем случаи лексического обособления всех перечисленных ранее фреймов — это и служит основанием для их выделения. Так, для фрейма «Лезвие» существуют особые лексемы в коми, французском и итальянском языках. Только фрейм «Кончик» может покрываться лексемой *aguzzo* в итальянском. Фрейм колющих природных объектов покрывается в итальянском языке специальной лексемой *pungente*, а кроме того, он следует разным стратегиям лексического совмещения в немецком и французском языках (ср. употребление лексем *aigu* и *spitz*). Наконец, фрейм острой формы характеризуется особым образом в немецком и французском языках, ср. невозможность употребить в нем прилагательные *scharf* и *aigu* с достаточно широкой семантикой.

В то же время ни в одном языке (ни из Таблицы 1, ни в целом из выборки, представленной в [Кюсева 2012]) в зоне 'острый' не встретилось лексического противопоставления, например, между острым (хорошо режущим) ножом⁷ и острым топором —

⁵ В этом месте возникает, конечно, общелингвистическая проблема формирования выборки для типологического исследования (а также специфики выборок в лексической типологии и причин этой специфики). Не имея здесь достаточного объема для ее детального обсуждения, отошлем читателя к цитируемым лексико-типологическим обзорам и к работе [Кашкин 2013а], а также к [Naspelmath 2003: 217, 231; Bakker 2010] и приводимым там ссылкам.

⁶ Отметим, что в [Кюсева 2012], во-первых, не проводится различие между базовыми лексемами типа 'острый' и причастными образованиями типа 'заостренный' — последние при наличии однокоренной адъективной лексемы, от которой они отличаются семантически только введением динамического аспекта, автором просто не рассматриваются. Тем самым никаких дополнительных каузативных компонентов ситуации инвентарь фреймов не учитывает. Во-вторых, контексты поверхностей, покрытых острыми неровностями (например, 'колючая/колкая трава' или 'колючий ежик'), рассматриваются в [Кюсева 2012] как периферийные для данного поля и, как правило, описываемые отдельной лексемой. Первое из указанных обстоятельств дискуSSION с точки зрения типологии зоны 'острый' — 'тупой', но вряд ли препятствует пониманию сути самого фреймового подхода.

⁷ Разумеется, в конкретном контексте прилагательное 'острый' может характеризовать и остроту кончика ножа. В этом случае, однако, мы имеем дело уже с реализацией фрейма «Кончик». Проверка такого рода семантических различий всегда происходит при анкетировании носителей языка.

на этом основании нож и топор считаются реализациями одного фрейма. Если в каком-либо новом языке такое противопоставление выявится, это приведет к дроблению структуры фреймов и необходимости еще раз убедиться в отсутствии этого противопоставления в ранее обследованных языках.

Таблица 1. Выделение фреймов семантической зоны 'острый'

Фрейм	русский	немецкий	коми (ижемский)	французский	итальянский
Фрейм 1 «Лезвие»	<i>острый</i>	<i>scharf</i>	<i>лэчыд</i>	<i>tranchant</i>	<i>affiliato, tagliante</i> ⁸
Фрейм 2 «Кончик»	<i>острый</i>	<i>scharf</i>	юэс	<i>aigu, pointu</i>	<i>appuntito, aguzzo</i>
Фрейм 3 «Колющие природные»	<i>острый</i>	<i>scharf, spitz</i>	юэс	<i>aigu, pointu</i>	<i>appuntito, pungente</i>
Фрейм 4 «Форма»	<i>острый</i>	<i>spitz</i>	юэс	<i>pointu</i>	<i>appuntito</i>

Для принятой методологии существенно, во-первых, что элементы фрейма часто связаны между собой, а во-вторых, что сумма значений этих элементов не всегда складывается в семантику всего фрейма. Наглядные примеры взаимозависимости элементов фрейма представлены, в частности, в диссертации [Круглякова 2010], посвященной типологии глаголов вращения. Так, помимо прочего, в этой работе выделен фрейм с условным ярлыком «Ястреб над добычей» и толкованием «Равномерная траектория, значительная вертикальная дистанция между субъектом и ориентиром, целенаправленное [движение]». В контекстах, соответствующих этому фрейму, субъектом может быть летающее живое существо (прототипически птица) либо летательный аппарат, дистанция между субъектом и ориентиром является большой, а ось вращения будет всегда внешней. Смена значения хотя бы одного из этих параметров выводит ситуацию за рамки данного фрейма. Так, если в ситуации вращения субъектом будет не птица (и не какой-либо иной субъект, прототипически перемещающийся по воздуху), то вертикальная дистанция, скорее всего, не будет большой. Если вертикальная дистанция между субъектом и ориентиром будет нулевой, то субъектом в большинстве вхождений таких примеров в естественном дискурсе будет не птица (а если даже мы встретим в корпусе пример типа *Курица вертелась вокруг своих цыплят*, то семантический класс субъекта для данного значения глагола не будет, по имеющимся типологическим данным, ограничиваться птицами, а будет как минимум включать всех одушевленных существ). Наконец, при внутренней (собственной) оси вращения субъекта параметр вертикальной дистанции оказывается вовсе бессмысленным, поскольку ника-

⁸ Семантическое различие между этими лексемами состоит, согласно [Кюсева 2012: 81], в том, что *affiliato* характеризует предмет как пригодный к работе ('Нож острый, им без труда можно это разрезать'), а *tagliante* — как потенциально опасный для человека ('Не поранься: нож острый'). Теоретически такое семантическое различие могло бы дать основание выделить фрейм хорошо функционирующих острых режущих предметов и фрейм острых режущих предметов, опасных для человека. Автором цитируемой работы, однако, было принято иное решение: по-видимому, на том основании, что сам класс объектов, определяемых словом 'острый', в этих случаях один и тот же.

кой субъект не может одновременно вращаться вокруг собственной оси и находиться на значительной вертикальной дистанции относительно самого себя.

Хорошей иллюстрацией неаддитивности фреймов служит поле 'тугой' — 'упругий', описанное в [Баскакова 2015]. Все фреймы этого поля предполагают наличие объекта, плохо поддающегося деформации, например натянутой веревки, тесной одежды или ветки, которую тяжело сломать. Вместе с тем в каждом из фреймов возникает определенное семантическое приращение в сравнении с «суммой» семантики соответствующего предметного имени и семантики устойчивости к деформации: для веревки — идея натяжения, для ветки — конкретный тип деформации, для одежды — идея ощущения экспериенсера и связанной с ним негативной оценки. В результате инвентарь фреймов для заданного поля не может быть получен путем тривиального перемножения всех возможных характеристик всех возможных участников ситуации (если даже принять не вполне очевидное допущение, что при таком перемножении можно гарантировать полный учет всех важных лексем и семантических классов) и требует более сложной процедуры выделения.

Помимо исследования прямых употреблений фреймовый подход предполагает и исследование семантических сдвигов (метонимических, метафорических, а также некоторых более сложных). Этот этап работы строится на тех же методологических принципах — с той разницей, что метафоризация, допуская разную степень конвенционализации, хуже поддается исчислению и классификации по сравнению со многими оппозициями в прямых значениях. Поэтому здесь задача типологии состоит скорее в том, чтобы выявить регулярно воспроизводящиеся в языках типы семантических сдвигов и модели их связи с прямыми употреблениями. Типологические иллюстрации можно увидеть в упомянутых выше работах Московской лексико-типологической группы (а также в недавнем сборнике [Juvonen, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2016])⁹. Наконец, фреймовый подход предполагает (и позволяет обеспечить) исследование морфосинтаксических конструкций, типичных для лексем исследуемых зон, а также типологического варьирования в этой области. Наиболее яркой иллюстрацией служит проект по типологии глаголов боли, см. [Брицын и др. (ред.) 2009; Reznikova et al. 2012]. Для глав данной части эта проблематика тоже будет актуальна.

⁹ Заметим, что стимульному подходу неймегенских проектов эта проблематика абсолютно чужда.